

Научная статья
УДК 343.132
DOI 10.33184/pravgos-2024.3.16

ДАВЛЕТОВ Ахтям Ахатович
Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

АЗАРЁНОК Николай Васильевич
Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: azarenok_96@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9787-7797>

Original article

DAVLETOV Akhtyam Akhatovich
Ural State Law University named after
V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.

AZARENOK Nikolay Vasilyevich
Ural State Law University named after
V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМАЯ К ЛИЦУ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕМУ УГРОЗУ ДЛЯ ОБЩЕСТВА

DETENTION AS A MEASURE OF RESTRAINT AGAINST A PERSON POSING A THREAT
TO SOCIETY

Аннотация. Одним из актуальных направлений реформирования современного уголовного процесса является последовательная гуманизация института мер процессуального принуждения и заключения под стражу как центрального его элемента. В отличие от советского этапа, когда назначение в качестве меры пресечения заключения под стражу было общим правилом, сегодня законодатель стремится ограничить сферу его применения исключительными случаями. Цель: на основе диагностирования и анализа проблем регламентации и применения заключения под стражу обосновать авторскую концепцию совершенствования данной меры пресечения в отечественном уголовном процессе. Методы: исследование выполнено с использованием диалектического метода, а также общенаучных (логический, анализа, синтеза, индукции, дедукции) и частнонаучных (формально-юридический, толкования правовых норм) методов. Результаты: заключение под стражу – исключительная мера пресечения, применяемая только в случае, если иными мерами невозможно достичь соответствующего поведения уголовно преследуемого лица. Обосновывается корректировка оснований избрания меры пресечения, а также обязанность суда изучать все доказательства по уголовному делу для законного и обоснованного разрешения ходатайства следователя о заключении под стражу. Предлагается ввести термин «лицо, представляющее угрозу для общества», а также связать заключение под стражу со специальной его целью – пресечением дальнейших преступных действий уголовно преследуемого лица.

Abstract. One of the current areas of reforming modern criminal proceedings is the consistent humanization of the institute of procedural coercion measures and detention as its central element. Unlike the Soviet era, when the use of detention was a general rule, today the legislator seeks to limit the scope of its application to exceptional cases. Purpose: to substantiate the author's concept of improving this measure of restraint in national criminal proceedings on the basis of diagnosing and analyzing the problems of regulation and application of detention. Methods: the research is based on the provisions of materialistic dialectics, using general scientific (logical, analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal-legal, interpretation of legal norms) methods. Results: detention is as an exceptional measure of restraint, applied only if other measures cannot achieve the appropriate behavior of the criminally prosecuted person. The authors substantiate the adjustment of the grounds for choosing this measure of restraint, as well as the court's obligation to examine all evidence in a criminal case for a legal and justified resolution of the investigator's petition for detention. The authors propose to introduce such a term as «person posing a threat to society», and to link detention to its special purpose of preventing further criminal actions of the criminally prosecuted person.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения, меры пресечения, условия и основания избрания меры пресечения, заключение под стражу, исключительность заключения под стражу, цель заключения под стражу, судебный порядок заключения под стражу

Для цитирования: Давлетов А.А. Заключение под стражу как мера пресечения, применяемая к лицу, представляющему угрозу для общества / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок. – DOI 10.33184/pravgos-2024.3.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 3. – С. 140–147.

Keywords: procedural coercion measures, measures of restraint, conditions and grounds for choosing a measure of restraint, detention, exclusivity of detention, purpose of detention, judicial procedure for detention

For citation: Davletov A.A., Azarenok N.V. Detention as a Measure of Restraint Against a Person Posing a Threat to Society. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 3, pp. 140–147. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.3.16.

ВВЕДЕНИЕ

Заключение под стражу остается одной из актуальных проблем уголовно-процессуальной деятельности, о чем, в частности, свидетельствует внесенный Верховным Судом РФ в Государственную Думу РФ законопроект № 381316-8, направленный на ограничение применения этой меры пресечения в отношении женщин, имеющих малолетних детей, и лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, совершивших ненасильственные преступления¹. Законодатели предлагают дополнить ст. 5 УПК РФ термином «преступления насильственного и ненасильственного характера», которые должны учитываться при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; в ч. 1 ст. 108 УПК РФ отдельно закрепить применение заключения под стражу по насильственным преступлениям средней тяжести, а если преступление данной категории является ненасильственным, то должно действовать правило об исключительных случаях заключения под стражу уголовно преследуемого лица при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Также предлагается женщин, имеющих малолетнего ребенка, приравнять к несовершеннолетнему (ч. 2 ст. 108 УПК РФ) и ввести в ст. 108 УПК РФ следующую норму: «Мера пресечения

в виде заключения под стражу не может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, если он страдает тяжелым заболеванием, подтвержденным медицинскими документами».

Представляется, что указанные нововведения малоэффективны в ограничении случаев избрания заключения под стражу, так как предлагаемые положения в целом носят оценочный характер и дополняют уже действующие оценочные критерии применения данной меры пресечения, что не снизит, а наоборот, повысит субъективизм в решении вопроса о выборе заключения под стражу и усложнит правоприменительную практику.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Для понимания глубины проблемы и, соответственно, поиска путей ее решения необходимо обратиться к истории.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. при избрании меры пресечения в отношении обвиняемого учитывались: возможное наказание за совершенное им преступление, обвинительные доказательства, возможность уничтожения им следов преступления, состояние здоровья, пол, возраст и общественное положение (ст. 421).

Согласно ст. 91 УПК РСФСР 1960 г. «при решении вопроса о необходимости применить меру пресечения, а также об избрании той или иной из них лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд учитывают, помимо обстоятельств, указанных в статье 89 настоящего Кодекса, также тяжесть предъяв-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8> (дата обращения 19.03.2024).

ленного обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства».

Как видно, и дореволюционный, и советский законодатель, по сути, одинаково определяли критерии, с точки зрения которых орган уголовного процесса избирал одну меру пресечения из нескольких.

При этом само заключение под стражу было урегулировано крайне лаконично. Так, ст. 96 УПК РСФСР содержала лишь указание на то, что эта мера применяется по делам о преступлениях, предусматривающих наказание в виде лишения свободы свыше одного года, но в исключительных случаях и менее одного года. Кроме этого, в данной статье перечислялись преступления, по которым «заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам одной лишь опасности преступления».

Указанных законодательных положений было вполне достаточно для успешной их реализации на практике, что осуществлялось в советское время следующим образом. Установив в ходе предварительного следствия основания заключения под стражу, следователь обращался к надзирающему прокурору с представлением всех материалов уголовного дела. После их полного изучения прокурор принимал решение о санкционировании применения заключения под стражу или об отказе в этом. При этом прокурор нес личную ответственность в соответствии с Законом о прокуратуре СССР и приказами Генерального прокурора СССР за законность и обоснованность заключения под стражу.

Ситуация принципиально изменилась с принятием Конституции РФ и УПК РФ. Санкционирование заключения под стражу перешло под юрисдикцию суда (ст. 22 Конституции РФ), а ст. 108 УПК РФ, регулирующая порядок избрания этой меры пресечения, существенно расширилась в сравнении со ст. 96 последнего советского УПК, все более наполняясь правовыми положениями, призванными, по мнению законодателя, повысить эффективность применения заключения под стражу. Так, в последние годы в ст. 108 УПК РФ появились новые части 1.1 и 3.1, посвященные особенностям заключения под стражу лиц,

подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений в сфере экономики.

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Законопроект, который в настоящее время внесен в Государственную Думу РФ, продолжает линию по расширению ст. 108 УПК РФ, так как выделяет особенности избрания меры пресечения по отдельным видам преступлений: ненасильственного характера; совершенные женщинами, имеющими малолетнего ребенка; совершенные лицами с тяжелым заболеванием. При таком подходе логично предположить, что в дальнейшем «на очереди» могут оказаться, например, должностные преступления, преступления, совершенные женщинами, имеющими несовершеннолетних детей; преступления, совершенные лицами преклонного возраста, и др. Представляется, что это тупиковый путь совершенствования процессуального механизма избрания меры пресечения.

Как отмечалось, отечественный законодатель еще в XIX в. сформулировал критерии, которыми должен руководствоваться правоприменитель при выборе той или иной меры пресечения: во-первых, тяжесть совершенного преступления; во-вторых, данные о личности уголовно преследуемого лица. При этом пол, возраст, здоровье и т. д. выступают в качестве обстоятельств, характеризующих лицо, совершившее преступление.

В законодательной трактовке первого критерия наблюдается следующая тенденция. Если в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. законодатель указывал на «строгость угрожающего наказания», а в УПК РСФСР 1960 г. – на «тяжесть предъявленного обвинения» (ст. 99), то в УПК РФ 2001 г. речь идет о «тяжести преступления» (ч. 1 ст. 99) и категориях преступлений: средней тяжести, тяжких, особо тяжких (ч. 2 ст. 108). Авторы рассматриваемого законопроекта пошли еще дальше, предложив прямо внести в ч. 1 ст. 108 УПК РФ указание на три категории преступлений: средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие, по которым возможно заключение под стражу.

Налицо существенная трансформация первого и – подчеркнем – основного фактора

избрания меры пресечения. Вместо конкретного деяния в его неповторимых обстоятельствах («тяжесть предъявленного обвинения») предметом оценки становится категория преступления, то есть собирательный критерий, объединяющий множество деяний по одному формальному признаку – размеру наказания. Это принципиально преобразует правоприменительную практику, так как вместо индивидуального подхода к совершенному преступлению применяется обобщенный, в соответствии с которым все преступления, наказание по которым, например, варьируется от 5 до 10 лет лишения свободы, выступают как равнозначные [1, с. 70].

Таким образом, использование категорий преступлений в качестве критерия избрания меры пресечения ошибочно. Правильнее, на наш взгляд, вести речь о «тяжести преступления, совершенного подозреваемым, обвиняемым». В таком случае насильственный характер деяния, применение оружия, конкретный мотив совершения преступления, наступившие в результате последствия и другие обстоятельства включаются в указанный критерий. В связи с этим нет необходимости говорить об их закреплении в УПК РФ в качестве дополнительных факторов избрания меры пресечения. Аналогичным образом можно указать и на «обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого», которые включают в себя пол, возраст, социальное положение, наличие малолетнего ребенка, степень заболевания и т. д.

Тяжесть преступления и личность уголовно преследуемого лица названы в УПК РФ «обстоятельствами, учитываемыми при избрании меры пресечения» (ст. 99), то есть обозначены как факультативные факторы при решении вопроса о применении той или иной меры пресечения. Основанием их избрания выступает предположение следователя, суда о том, что подозреваемый, обвиняемый может скрыться, продолжить преступную деятельность, воспрепятствовать производству по уголовному делу (ст. 97 УПК РФ).

По нашему мнению, здесь авторы УПК РФ допустили ошибку, которая негативно сказывается на практике избрания мер пресечения. Советский законодатель не называл возможные негативные последствия – обви-

няемый скроется, продолжит преступную деятельность, воспрепятствует расследованию – основаниями для применения меры пресечения, а определял их как цель, как возможный нежелательный результат, который необходимо предотвратить путем возложения на обвиняемого меры процессуального принуждения. Однако разработчики УПК РФ почему-то перевели указанные предполагаемые последствия в разряд оснований для принятия процессуального решения, чем существенно изменили механизм избрания меры пресечения. Достаточно сравнить ст. 89 УПК РСФСР 1960 г. «Применение меры пресечения» со ст. 97 УПК РФ «Основания избрания мер пресечения», чтобы обнаружить принципиально разный смысл содержащихся в них положений.

Такой подход современного законодателя не согласуется с канонами правоприменительной деятельности, согласно которым в качестве оснований правовых решений служат фактические обстоятельства (конкретные жизненные факты) [2, с. 5]. Поэтому фундаментом при выборе той или иной меры пресечения выступают фактические обстоятельства совершенного преступления, а также характеристика личности уголовно преследуемого лица. При этом исключение возможности уклонения лица от явки в органы предварительного расследования и тем более совершения им новых противоправных действий является целью решения вопроса об избрании конкретной меры пресечения.

На это обращает внимание и Верховный Суд РФ: «...на первоначальных этапах производства по уголовному делу тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения по приговору наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут служить основанием для заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу ввиду того, что он может скрыться от дознания, предварительного следствия»². В этом плане следует согласиться с А.С. Барабашем о необходимости изменения редакции ст. 97 УПК РФ с указани-

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020), п. 5 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ем в ней целей избрания меры пресечения: предотвращение со стороны обвиняемого (подозреваемого) возможности скрыться, продолжения преступной деятельности, наличие угроз участникам процесса, уничтожение следов преступления [3, с. 5].

В результате неверного решения вопроса об основаниях избрания меры пресечения работа органов уголовного судопроизводства не имеет верных ориентиров. Для этого следует вывести на первый план и приложить все усилия для доказывания фактических обстоятельств совершения преступления и причастности к нему подозреваемого (обвиняемого), а не пытаться установить гипотетические последствия, предусмотренные ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Смещение акцентов уголовно-процессуальной деятельности в сторону обстоятельств, действительно являющихся основаниями избрания меры пресечения, призвано устранить главный недостаток при заключении человека под стражу – формальный подход суда к разрешению ходатайства следователя об избрании этой меры пресечения.

После передачи законодателем права санкционирования заключения под стражу от прокурора суду характер рассмотрения обращений следователя за получением разрешения на избрание меры пресечения качественно изменился. Если ранее прокурору представлялись для изучения все материалы уголовного дела, что позволяло ему лично оценить весь объем имеющихся доказательств и убедиться в законности и обоснованности изоляции лица от общества, то в настоящее время судья располагает лишь частью доказательств, собранных следователем. Среди них нет протоколов допроса потерпевших, свидетелей и других доказательств, лежащих в основе подозрения или обвинения лица в совершении преступления. Объясняется это правилами сохранения тайны следствия, действующими до окончания предварительного расследования, когда у участников процесса появляется право доступа ко всем материалам уголовного дела. Руководствуясь такими положениями закона и учитывая, что доказательства, приложенные к судебному материалу, станут доступны стороне защиты, следователи не представляют суду те доказательства, которые на данный момент составляют тайну предваритель-

ного расследования. В результате судья не имеет полноценной возможности проверить доказанность фактических обстоятельств, выступающих основанием избрания меры пресечения, установить наличие события преступления, оценить правильность уголовно-правовой квалификации деяния, данной органами расследования, проверить доказанность причастности уголовно преследуемого лица к совершению преступления, выяснить возможность применения иной, кроме заключения под стражу, меры пресечения. Поэтому суд вынужден ограничиваться лишь материалами, представленными следователем, позицией сторон и, как правило, удовлетворяет ходатайство о заключении под стражу, то есть по сути формально решает вопрос об ограничении свободы человека.

Понимая порочность такой практики, Пленум Верховного Суда РФ в 2016 г. изменил п. 2 постановления № 41, указав, в частности, что проверка обоснованности подозрения лица в причастности к совершенному преступлению не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению. Поэтому, рассматривая ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, судье надлежит установить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении.

В рассматриваемых изменениях содержатся два принципиальных положения: исключение из судебной практики формального подхода к оценке ходатайств органов расследования и проверка доказанности причастности лица к совершению преступления. При этом еще в 2018 г. Конституционный Суд РФ высказал свою позицию по данному вопросу, отметив, что в соответствии с ч. 3 ст. 108 УПК РФ должностное лицо органа предварительного расследования обязано изложить в постановлении о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможность избрания иной меры

пресечения, с приложением материалов, подтверждающих обоснованность ходатайства. Из этого следует, что на ответственное должностное лицо возлагается обязанность представить достаточные и убедительные доказательства, обосновывающие допустимость избрания заключения под стражу (продления срока содержания под стражей), которые в своей совокупности подтверждают наличие события преступления, его квалификацию, причастность уголовно преследуемого лица к совершению деяния³. Однако до настоящего времени практика формального подхода к разрешению судами ходатайств следователя об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения сохраняется, так как законодательные положения остаются прежними.

Отсутствие реакции законодателя на, казалось бы, очевидную и актуальную проблему во многом можно объяснить неразработанностью процессуального механизма, позволяющего, с одной стороны, обеспечить представление в суд всех доказательств по уголовному делу, а с другой – гарантировать тайну следствия, исключаящую преждевременный доступ к материалам дела подозреваемого, обвиняемого и его адвоката-защитника.

Выход из сложившейся ситуации, по нашему мнению, заключается в разделении материалов, представляемых следователем суду, на две группы: «открытого» и «закрытого» доступа. С первыми вправе знакомиться все участники судебного заседания, в том числе сторона защиты, тогда как со вторыми – только судья и прокурор [4].

Все изложенное является основой для решения вопроса о специфике заключения под стражу как наиболее значимой и проблемной мере пресечения в современном уголовном процессе.

Главная особенность заключения под стражу – ее исключительность. Этот тезис подтверждается правилом, содержащимся в ч. 1 ст. 108 УПК РФ: «заключение под стражу избирается только в том случае, если невоз-

можно применить иную, более мягкую, меру пресечения». На особую роль заключения под стражу указывает правило ее применения – «в исключительных случаях» (ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УПК РФ). Помимо этого, заключение под стражу находится на последнем месте в перечне мер пресечения, составленном по принципу «возрастающей строгости» (ст. 98 УПК РФ). Из этого следует, что по отношению к нему все предыдущие семь мер являются более мягкими.

Исключительный характер заключения под стражу объясняется тем, что при применении этой меры пресечения человек физически изолируется от общества и пребывает в строгом режиме пенитенциарного учреждения, тогда как все иные меры пресечения ограничивают свободу лица в той или иной степени, сохраняя привычный образ жизнедеятельности. Поэтому в системе мер пресечения выделяются две группы: заключение под стражу как мера исключительная и все иные как меры обычные, неисключительные.

Однако в УПК РФ прямо не закреплена характеристика заключения под стражу как особой, уникальной меры пресечения. В результате правоприменитель вынужден самостоятельно решать этот вопрос в соответствии с общими для всех мер пресечения основаниями и обстоятельствами (ст. 97, 99 УПК РФ). Законодатель нормативно определил лишь один критерий избрания заключения под стражу: наказание, которое может быть назначено за данное преступление, должно быть в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 108 УПК РФ)

По нашему мнению, исключительный характер заключения под стражу должен быть законодательно выражен через цель его применения. Как отмечалось, три обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ в качестве оснований избрания меры пресечения, в действительности являются ее целями. Поскольку законодатель не требует установления всех этих обстоятельств в совокупности, можно утверждать, что они применяются обособленно, то есть каждое из них подлежит доказыванию как самостоятельная цель, которая может быть достигнута конкретной мерой пресечения, избираемой органом уголовного производства из всех предусмотренных законом.

³ По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина : постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Первая цель – избежать сокрытия лица от органов предварительного расследования и суда. Безусловно, нахождение человека в СИЗО стопроцентно исключает такую нежелательную ситуацию. Однако во многих случаях для этого достаточно домашнего ареста, залога, запрета определенных действий и даже подписки о невыезде. Поэтому позиция органа уголовного преследования о необходимости заключения лица под стражу как единственно возможном способе предотвращения его сокрытия от следствия и суда выглядит неубедительной.

Точно такая же ситуация со второй целью – исключить воспрепятствование производству по уголовному делу. Кроме ряда мер пресечения, помимо заключения под стражу, достижению этой цели способствуют такие меры принуждения, как отстранение подозреваемого, обвиняемого от должности, наложение ареста на имущество, а также следственные действия: обыск, выемка и др. При правильном сочетании этих мер исключаются последствия, указанные в п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Остается третья цель – не допустить продолжения преступной деятельности. Здесь ситуация предстает принципиально по-иному. Если человек совершил преступление повышенной общественной опасности, характеризуется антисоциальными установками, то он должен быть изолирован от общества, так как, оставаясь на свободе, он с высокой степенью вероятности совершит другие преступления. При этом он также может скрыться и воспрепятствовать производству по делу, но эти последствия вытекают и дополняют главное опасение – возможность продолжения преступных действий.

Отсюда следует, что заключение под стражу имеет свою специальную цель – предотвратить совершение уголовно преследуемым лицом последующих преступлений. Любые насильственные преступления и иные деяния повышенной общественной опасности однозначно приводят к такому выводу. Если подозреваемый, обвиняемый ранее привлекался к уголовной ответственности, отбывал наказание в местах лишения свободы, организовал преступную группу, не имеет постоянного места жительства и т. д., то его социальная опасность значительно возрастает и в совокупности с тяжестью совершенно-

го преступления формирует то внутреннее убеждение правоприменителя, которое обязывает его принять решение об изоляции такого лица от общества путем заключения под стражу. В связи с этим представляется целесообразным ввести в юридический язык термин «лицо, представляющее угрозу для общества», определив его следующим образом: это подозреваемый, обвиняемый, который в силу тяжести совершенного им преступления, а также обстоятельств, характеризующих его личность, с высокой степенью вероятности может продолжить преступные действия, в связи с чем к нему применяется исключительная мера пресечения в виде заключения под стражу.

Изложенный концептуальный подход к заключению под стражу обособляет его в системе мер пресечения как исключительное средство воздействия на личность, применяемое лишь к тому лицу, которое представляет угрозу для общества. При этом категории преступлений, определенные в ст. 15 УК РФ по критерию тяжести, не имеют прямого прикладного значения. Так, в случае совершения лицом тяжкого преступления, например, в сфере экономики, к нему вместо заключения под стражу может быть применен домашний арест или залог, тогда как по преступлению средней и даже небольшой тяжести, совершенному в отношении членов семьи и связанному с домашним насилием, вполне возможно заключение такого лица под стражу. В частности, если совокупность фактических обстоятельств произошедшего и характеристика лица, его совершившего, свидетельствуют о необходимости изоляции этого лица от общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совершенствование нормативной регламентации заключения под стражу на основе предлагаемой теоретической конструкции обуславливает необходимость преобразования всего института мер пресечения в уголовном процессе. Основные положения такого реформирования можно сформулировать следующим образом.

1. Основаниями избрания меры пресечения являются фактические обстоятельства,

свидетельствующие о тяжести совершенного преступления, а также данные о личности подозреваемого, обвиняемого: пол, возраст, род занятий, семейное положение, состояние здоровья и др.

2. Мера пресечения применяется с целью предотвращения возможности подозреваемого, обвиняемого скрыться от органов уголовного преследования и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу, продолжить преступные действия.

3. Заключение под стражу – исключительная мера пресечения, она избирается лишь в том случае, если подозреваемый, обвиня-

емый, в силу тяжести совершенного им преступления и данных о личности, представляет угрозу для общества и потому подлежит изоляции с целью предотвращения дальнейших преступных действий.

4. Суд при рассмотрении ходатайства следователя об избрании меры пресечения обязан изучить все доказательства, имеющиеся в уголовном деле, и на их основе решить вопросы: о наличии события преступления, правильности его уголовно-правовой квалификации, доказанности причастности данного лица к совершению преступления, избрании наиболее справедливой меры пресечения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курченко В.Н. Судебное постановление в контексте избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: вопросы правоприменения / В.Н. Курченко // Уголовное право. – 2022. – № 9. – С. 69–80.
2. Володина Л.М. Проблемы правового регулирования применения уголовно-процессуального принуждения / Л.М. Володина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 3. – С. 5–9.
3. Барабаш А.С. Основной, дополнительные и вспомогательные процессы доказывания в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства / А.С. Барабаш. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 272 с.
4. Азарёнок Н.В. Поворот в практике избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения? / Н.В. Азарёнок, А.А. Давлетов // Российская юстиция. – 2018. – № 9. – С. 58–60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давлетов Ахтям Ахатович – доктор юридических наук, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П.М. Давыдова;

Азарёнок Николай Васильевич – доктор юридических наук, директор Института юстиции, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П.М. Давыдова.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Davletov Akhtyam Akhatovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov;

Azarenok Nikolay Vasilyevich – Doctor of Law, Director of the Institute of Justice, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov.

Статья поступила в редакцию 11.08.2024; одобрена после рецензирования 17.08.2024; принята к публикации 19.08.2024. The article was submitted 11.08.2024; approved after reviewing 17.08.2024; accepted for publication 19.08.2024.